
32
МАЛОЙ
Навсегда
в наших сердцах
∞

Егор Kazancev

Сорок две трещины

https://litres.ru/74710943
SelfPub; 2026

Аннотация

Он вернулся. А его друг — нет. Через годы Воробей стоит у могилы Малоя и вспоминает всё: казарму, где считали трещины на потолке, первый выход, бой на высоте 3234 и обещание, которое пришлось выполнить. Книга о дружбе, страхе и памяти. О том, что война не заканчивается с последним выстрелом — она остаётся в голосах, которые звучат каждый день.

Егор Kazancev
Сорок две трещины

Пролог. Кладбище. Свердловск. 1990 год

Воробей стоял у могилы и смотрел на фотографию. С чёрно-белого снимка на него смотрел парень с наивными глазами и книжкой в руке. Малой. Ему было девятнадцать, когда его не стало. На камне было выбито: «Рядовой Соколов Андрей Петрович. 1968–1988. Погиб при исполнении интернационального долга».

Воробей достал из кармана сигарету, закурил. Ветер сдувал дым в сторону. Он присел на корточки и положил на могилу поминальник — бутылку водки и кусок хлеба.

— Ну вот, — сказал он тихо. — Я вернулся. А ты нет.

Он помолчал.

— Помнишь, ты боялся, что мы не вернёмся? Я тоже боялся. Только я вернулся, а ты… — он сглотнул. — Ты знаешь, я до сих пор не могу понять, почему ты. Почему не я.

Воробей поднялся, вытер лицо ладонью. Он не плакал. Уже давно не плакал. Просто глаза были мокрые от ветра.

— Ладно, — сказал он. — Я пойду. У меня ещё дела. Я тебе потом расскажу, как там всё было. Ты не поверишь.

Он развернулся и пошёл по аллее. И в его голове снова зазвучали голоса — те голоса, которые он слышал каждый день, каждый час, каждую минуту.

Он остановился, обернулся.

— Я помню, — сказал он. — Я всё помню.

Глава 1. Учебка. Караганда. Май 1987-го

Казарма пахла хлоркой и потом. Этот запах въедался в кожу, в волосы, в одежду — от него нельзя было избавиться, даже если мыться каждый день. Воробей лежал на верхней койке и смотрел в потолок, где от сырости расползлось большое серое пятно, похожее на карту Африки. Он считал трещины. Их было сорок две. Он знал это точно, потому что считал их каждую ночь.

Рядом храпел Рыжий — здоровяк из-под Новосибирска, который за два месяца учебки умудрился заработать три взыскания и одну благодарность (за то, что поймал замполита, когда тот падал с турника). Рыжий был добродушным, но с ним лучше было не связываться: он мог сломать нос с одного удара и тут же предложить помириться, протянув руку.

С нижней койки раздался шёпот:

— Воробей. Слышь, Воробей.

Это был Малой. Самый молодой в призыве — ему ещё не исполнилось девятнадцати. Он пришёл в учебку с книжкой в кармане, которую сержант Дым тут же выбросил в окно со словами: «Здесь тебе не институт». Книжка была — «Мастер и Маргарита». Малой потом полночи плакал в подушку, но так, чтобы никто не слышал. Воробей слышал. Он не сказал ничего, просто накрыл его одеялом и сделал вид, что спит.

— Чего тебе? — отозвался Воробей.

— Ты думаешь, нас туда отправят?

— Куда?

— Ну… туда. В Афган.

Воробей помолчал. Он думал об этом каждый день. И каждый день старался не думать.

— Отправят, — сказал он наконец. — Куда мы денемся.

— А ты боишься?

Воробей повернулся на бок и посмотрел вниз. Лицо Малоя было бледным, глаза — круглыми, как у совы.

— Боюсь, — честно сказал Воробей. — Все боятся. Даже Дым. Просто он это прячет за криком.

— А если я не справлюсь? Если я струшу?

— Не струсишь, — сказал Воробей. — Ты же Малой. Ты у нас самый мелкий. Тебя даже пуля не найдёт.

Малой улыбнулся. Это была первая улыбка за неделю.

Утром был марш-бросок. Подъём в пять, построение в пять двадцать. Солнце ещё не встало, но воздух уже был густым и липким, как сироп. Сержант Дым шёл впереди колонны, и его голос гремел над плацем, как репродуктор на вокзале:

— Быстрее, бойцы! Вы не на прогулке! Там, — он махнул рукой куда-то на юг, — вам будет не до прогулок! Там вас будут убивать! И если вы сейчас не научитесь бегать, то там вы просто сдохнете, как собаки!

Дым был высоким, сухим, с лицом, будто вырубленным из дерева. Он никогда не улыбался. Говорили, что он прошёл

Афган и вернулся оттуда с двумя ранениями и орденом, который никогда не носил. Говорили, что у него на войне погиб брат. Говорили разное, но все сходились в одном: Дыма лучше слушаться.

Воробей бежал, чувствуя, как ремень автомата режет плечо. Он сбивал дыхание, но не останавливался. Рядом пыхтел Рыжий, у которого из носа шла кровь — он вчера подрался с «дедами» из второй роты.

— Рыжий, ты как? — спросил Воробей на бегу.

— Нормально, — прохрипел тот. — Я им ещё покажу, сукам. Вот приеду с Афгана — найду каждого.

— А если не приедешь?

Рыжий посмотрел на него красными глазами и ухмыльнулся:

— Тогда ты за меня найди. Договорились?

Они бежали дальше. Позади кто-то упал. Дым тут же оказался рядом, наклонился, схватил упавшего за шиворот и поставил на ноги.

— Встать! — заорал он. — Здесь не умирают! Здесь живут! Понял меня? Живут!

После марш-броска был обед. В столовой пахло варёной капустой и мылом. Воробей сидел за длинным столом и ковырял ложкой в тарелке. Рядом устроились Рыжий и Малой. Малой читал вслух письмо из дома — ему писала мать, которая работала на заводе и мечтала, чтобы сын вернулся живым.

«Сынок, — читал Малой, — мы тут все молимся за тебя. Папа говорит, что ты у нас самый умный. Я знаю, что тебе там тяжело. Но ты держись. Мы тебя ждём. Я связала тебе свитер. Тёплый. Пришлю, как только будет возможность».

— Свитер, — усмехнулся Рыжий. — В Афгане! Там же плюс сорок!

— Ты не понимаешь, — сказал Малой. — Это не свитер. Это… — он не нашёл слов.

— Это мама, — сказал Воробей. — Я понимаю. У меня тоже есть мама. Она мне пишет, что я должен слушаться командиров и не лезть на рожон.

— А ты лезешь? — спросил Рыжий.

— Пока нет. Но всё впереди.

Они засмеялись. Это был первый смех за неделю.

Ночью Воробей не спал. Он лежал и смотрел на потолок, на серое пятно, похожее на карту Африки. В голове звучали слова Дыма: «Там вас будут убивать». Он думал о том, что через месяц он может быть там. В Афгане. И что он может не вернуться. И что мать будет плакать над его фотографией, как плачут матери во всех городах, откуда приходят солдаты.

Он достал из-под подушки гитару — маленькую, потрёпанную, которую привёз из дома. Он играл на ней тихо, чтобы не разбудить соседей. Пальцы сами находили аккорды. Он запел шёпотом:

«Ты не бойся, мама, я вернусь живым. Ты не бойся, мама, я не сдохну в дым…»

— Эй, Воробей, — послышался голос Рыжего с нижней койки. — Ты это брось. Нельзя такие песни петь. Накаркаешь.

— Прости, — сказал Воробей. — Не буду.

Он убрал гитару и закрыл глаза. Но сон не шёл. Он лежал и слушал, как дышат его товарищи — Рыжий, Малой, Дым, который спал в углу и даже во сне хмурился. И он думал о том, что через месяц они все могут быть там. И не все вернутся.

Глава 2. Учебка. Дедовщина. Июнь 1987-го

Через месяц Воробей понял, что учебка — это не просто подготовка к войне. Это война в миниатюре. Здесь тоже были свои «духи» — «деды», которые отбирали деньги, сигареты и тёплые вещи. Здесь тоже были свои потери — не убитые, но сломленные. Парни, которые не выдерживали и уходили в «самоволку», а потом возвращались с позором. Или не возвращались.

Воробей старался не лезть. Он был тихим, незаметным — таким, каких «деды» не замечают. Но Рыжий не умел быть незаметным. Он был большим, шумным и не умел молчать, когда его унижали.

Однажды вечером, после отбоя, в казарму пришли трое «дедов» из второй роты. Они остановились у койки Малоя.

— Эй, малой, — сказал один из них, высокий парень с прыщавым лицом. — Ты чего это читаешь?

Малой попытался спрятать книжку под подушку, но было

поздно. Прыщавый выхватил её.

— «Мастер и Маргарита», — прочитал он вслух. — Это чего, про попов, что ли?

— Это про любовь, — тихо сказал Малой.

— Про любовь? — Прыщавый засмеялся. — Слышите, пацаны? Он про любовь читает! А ты знаешь, что там, — он махнул рукой на юг, — тебя никто не полюбит? Там тебя только трахнут. В задницу. Понял?

Он швырнул книжку на пол и наступил на неё ногой. Малой дёрнулся, но остался на месте. Он знал: если ответишь — будет хуже.

Воробей лежал на своей койке и смотрел в потолок. Он считал трещины. Сорок две. Он знал это точно. Но сейчас он не мог считать. Внутри что-то кипело.

— Эй, — сказал Рыжий. Он сидел на койке и смотрел на «дедов» тяжёлым взглядом. — Оставьте пацана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.